

Понимание истории в контексте культуры

А. Я. ФЛИЕР

(Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева)

В статье анализируется специфическая роль культуры в социальной эволюции, выражаемая в отношении к историческому времени.

Для первобытной стадии социальной эволюции были характерны смутное знание о прошлом, сакрализация настоящего и практически полное отсутствие представлений о будущем. Для аграрной стадии показательными были сакрализация прошлого, терпимое отношение к настоящему и эсхатологическое представление о будущем как о по-смертном состоянии человека. Для индустриальной стадии характерной стала полная инверсия представлений о времени в сравнении с аграрной эпохой. Теперь, наоборот, прошлое отвергалось как неудачный опыт, настоящее рассматривалось как ситуация преобразования порядков социального устройства жизни, а вот будущее трактовалось как идеальное состояние жизни общества, которое нужно сознательно построить. Для постиндустриальной стадии социальной эволюции специфичен отказ от крайностей отрицания прошлого и восторженного ожидания светлого будущего. Современное восприятие времени характерно возвращением к повышенному вниманию к настоящему как к единственной социальной реальности, данной нам в ощущениях.

В статье рассматриваются варианты интерпретации описанной динамики отношения ко времени с позиций цивилизационизма, эволюционизма и синергетической теории. Ав-

тором поддерживается синергетическая интерпретация и высказывается гипотеза о том, что история культуры в ее традиционных формах и функциях близка к завершению. Далее должна произойти трансформация всей системы социальной регуляции общественной жизни от традиции к более рациональным формам, детерминированным человеческим разумом.

Ключевые слова: теория культуры, историософия, понимание прошлого, понимание настоящего, понимание будущего, смысл истории, смысл культуры, понимание времени, синергетика.

Для осмысления тесной взаимосвязанности исторического развития общества и эволюции его культуры показательным является характерное для разных эпох и социальных страт отношение к прошлому, настоящему и будущему. В этом восприятии времени то доминирует ожидание «доброго старого прошлого», которое наконец вернется и заменит «противное настоящее» [вспомним фразу, произнесенную Александром I при вступлении на российский престол: «Теперь все будет как при бабушке» (Шильдер, 1897: 257)], то, напротив, в сознании общества преобладает надежда на приход «светлого будущего», которое также сменит ненавистное настоящее («прогрессизм»; см., напр.: Spier, 2005). Впрочем, это отношение к прошлому, настоящему и будущему отличается исторической динамикой, которую стоит рассмотреть.

Для первобытного общества характерно преимущественное внимание к настоящему времени при довольно смутных представлениях о прошлом и почти полном отсутствии интереса к будущему. Прошлое воспринимается в основном посредством переживания мифологических сюжетов о деяниях «великих предков», тотемистических прародителей общины (как правило, не антропоморфных). Показательно, что социальное (т. е. реальное историческое) прошлое даже собственной общины интересом не пользуется. Доминирует мнение: мы всегда жили так, как сейчас живем, и ничего нового в нашей жизни не бывает. Будущее же тем более неактуально, поскольку «завтра может быть только то, что происходит и сегодня» (см. об этом, напр.: Малиновский, 2004; Radcliffe-Brown, 1952). А вот настоящее — это предмет действительного интереса первобытного человека, поскольку это актуально. Добыть еду, насытиться, совокупиться, обучить детей, принять участие в ритуале и т. п. — это важно сейчас, сегодня, это принесет какую-то практическую или мистическую пользу (разницу между которыми члены первобытного коллектива, как правило, не ощущают). Показательно, что основная масса магико-мистических обрядов и ритуалов в хронометрическом смысле направлена на обеспечение успеха в настоящем, в текущей жизнедеятельности человека или общины (Элиаде, 1998). В каком-то смысле эту ситуацию можно определить как абсолютизацию наблюдаемого настоящего при некотором иллюзорном переживании мифического прошлого и полном отсутствии интереса к будущему.

Совершенно иную картину мы видим в аграрном обществе. Здесь абсолютно доминирует сакрализация прошлого, социального опыта, традиции. Все великое, значимое, достойное восхищения и подражания было в прошлом — великие правители, основатели религиозных учений, мудрецы, события, деяния и пр. «Богатыри не вы...» Все богатыри остались в истории, а задача потомков — петь им хвалебные гимны. На этом воспевании прошлого фактически была построена вся культура аграрной эпохи (см. об этом: Ле Гофф, 2002; 2011). Конечно, конкретные формы этой ностальгии по прошлому в разных местах различались. Свои специфические формы наблюдались в государствах Древнего Ближнего Востока, в Индии и Китае, в античных полисах и империях, в монархиях европейского Средневековья и на мусульманском Востоке.

Но все эти культуры объединяла одна общая черта — идеализация великого прошлого, противопоставляемого ничтожному настоящему. Где-то это было явлено ярче (Китай, Месопотамия, средневековая Европа), где-то — сдержаннее (Рим, Византия, Древняя Русь). Но, по существу, везде было одно и то же — поклонение прошлому как эталону правильной жизни.

Отношение к настоящему в культуре аграрных обществ было преимущественно утилитарным. Настоящее, конечно, хуже некуда, но это «временная неприятность», которую нужно перетерпеть перед грядущим блаженством на небесах. А еще лучше использовать краткое пребывание на этом свете для достойного подражания деяниям великих предков в их неутомимой борьбе со злом (в том или ином его обличье). Деление мира на «мир добра» и «мир зла» отличалось предельной четкостью (см. об этом: Пелипенко, 2007). Причем в качестве зла, как правило, воспринималось все чужое. Это была эпоха войны всех против всех не столько за территорию проживания (хотя случалось и такое), сколько за пространство осуществления власти, распространения религии и т. п. с целью «утверждения истины» (Дьяконов, 1994). Собственно, это и называлось «борьбой со злом», поскольку чужие (по этническим, политическим и религиозным признакам) ничего хорошего представлять собой не могли. Освоение и осмысление настоящего как «временной неприятности» преимущественно сводилось к этому.

Отношение аграрной эпохи к будущему было в основном эсхатологическим. Будущее будет на небесах (для «наших») или в пучине огненной (для «чужих»). То или иное описание подобного будущего присутствует во всех классических религиозных учениях. Социальное будущее практически не осмыслялось, обеспечение какого-то благополучия для потомков не рассматривалось как актуальная задача. В условиях, когда детская смертность была грандиозной, а лишить жизни могли любого человека в любой момент, по любому поводу и даже без повода, проблема будущего была не столько социальной, сколько непосредственно витальной для каждого конкретного индивида.

Таким образом, для культуры аграрной эпохи были характерны сакрализация прошлого, прагматическое восприятие настоящего (без иллюзий) и эсхатологическое представление о будущем. Конечно, в культуре разных сословий и социальных групп имели место специфические интерпретации этих установок, часто в большей степени различавшиеся между сословиями, чем между разными народами (статусно-ценностное интернациональное единство в рядах аристократии было очень характерно для того времени). Но в целом такое понимание исторического времени и отношения к нему было массово распространенным, социально типичным.

Культура индустриальной эпохи в плане восприятия исторического времени представляла собой очевидную инверсию культуры аграрной эпохи. Здесь было все наоборот. Прежде всего, совершенно изменилось отношение к прошлому. Теперь прошлое рассматривалось как беспутное и безобразное детство человечества, собрание грехов молодости, о которых стыдно вспоминать и можно только сожалеть («Отречемся от старого мира...»). Если античность еще ценилась как эстетический эталон, то слово «средневековый» стало фактически ругательным, обозначающим дикость, грязь и невежество, и употреблялось только с прилагательным «темное». Борьба с архаической традицией, вытеснение этой традиции на маргинальную окраину социальной жизни стали повседневной практикой культурного строительства. Этому немало способствовали и объективные социальные трансформации индустриального общества, про-

цессы урбанизации, постепенное сокращение крестьянства как основного производителя и пользователя традиционной культуры. Наиболее грубые формы это принимало в государствах «социалистического лагеря» (эксплуатировавших идеологию «прогрессизма» в самом brutalном виде), но повсюду, где в той или иной форме побеждали буржуазные революции, прошлое отторгалось как атавизм.

Отношение культуры индустриального общества к настоящему было сложным. Настоящее, безусловно, не удовлетворяло, было полно пережитков «мрачного прошлого», но его можно было «отдать в ремонт». Собственно вся социокультурная практика индустриального общества и заключалась в непрерывном «ремонтировании» настоящего, переустройстве его в соответствии с новыми социальными запросами. Конечно, все это началось не сразу. Первые два века индустриальной эпохи (XVI и XVII) были посвящены религиозной Реформации и связанной с ней выработкой новой морали, ставшей основанием нового понимания времени и социальных задач человека в истории. И только начиная с XVIII в. — века Просвещения — и в последующие два с половиной столетия до последней трети XX в. — период, который Ю. Хабермасом был удачно назван «эпохой модерна» (Хабермас, 2003), можно говорить о возобладавшем новом понимании настоящего как строительной площадки, на которой возводится «здание прекрасного будущего». В рамках этой общей экзистенциальной установки марксизм не предложил ничего принципиально нового; он просто был наиболее радикальным проектом «ремонта настоящего» среди многих иных.

А вот отношение к будущему стало, безусловно, визитной карточкой индустриальной эпохи. Будущее понималось как осмысленная цель любой социальной активности человека. Это могло воплощаться в идеях коммунизма — бесклассового общества, где не будет социальных конфликтов, которое должно было строиться в режиме полного доминирования революционного государства над человеком и обществом. Был разработан и более умеренный проект построения светлого будущего, основанный на идеях либерализма, в котором, напротив, общество осуществляет контроль над государством. Были и иные проекты: итальянский фашизм, немецкий нацизм. Все они так или иначе предусматривали сознательное построение будущего на основании того или иного идеологического замысла. Соответствующим образом направлялось и развитие культуры в контекстах этих проектов. Индустриальная эпоха — это время «больших нарративов».

Хотя «рай на Земле» в соответствии с этими проектами построить не удалось, нельзя не признать, что во многих вопросах эпоха модерна добилась впечатляющих результатов и может рассматриваться как наиболее успешный «социальный эксперимент» в истории человечества. Другое дело, что попытки реализации многих проектов (социалистического, нацистского) обошлись народам слишком дорого. Но здесь уже многое зависело от «человеческого материала» конкретных исполнителей. Более умеренный либеральный проект оказался и более успешным, может быть, потому, что его реализация мало зависела от личных качеств отдельных вождей.

Вместе с тем в течение второй половины XX в. в экономическом, социальном и культурном развитии наиболее модернизированных стран мира начались процессы перехода к «экономике знания», основанной не на количестве людей, привлекаемых к труду, а на качестве научного обеспечения того или иного проекта, производившей больше нового знания, нежели материального продукта. Осмысление этой новой ситуации уже в конце 1960-х — начале 1970-х годов позволило ученым поднять вопрос о переходе наиболее развитых стран на новую ступень социальной эволюции, полу-

чившую название «постиндустриальной» (Bell, 1973; Brzezinski, 1970; Fourastie, 1974; Touraine, 1969). В 1980–1990-х годах произошла «информационная революция», предсказанная М. Маклюэном (Маклюэн, 2003; McLuhan, Fiore, 1968). Вошел в массовый обиход компьютер, была образована информационная сеть Интернет, что обеспечило «экономику знания» важными информационными возможностями. Сегодня обоснованность определения перемены, произошедшей с человечеством, в качестве перехода на новую стадию социальной эволюции уже подтверждена множеством исследований в самых разных областях социальной практики.

Что же произошло в интересующей нас области социального сознания за последние три-четыре десятилетия? Произошла новая радикальная трансформация восприятия и оценки исторического времени. Очень быстро, буквально на глазах ныне живущих людей потеряли актуальность как отторжение прошлого (например, демонстрация ужасов обращения с «маленьким человеком» в кинофильмах), так и восхищение будущим (в таком же кинематографическом упоении достижениями научно-технического прогресса). Прошлое и будущее для массы культурных потребителей стали представлять совсем иной интерес, как правило, совершенно безоценочный. Актуальным стало иронизирование над романтическим отношением к дням вчерашнему и завтрашнему. Это, конечно, получило отражение не только в кинематографе, но и в других областях культуры (например, в философии постмодернизма). Однако именно в кино, как самом массовом виде современного искусства, которое можно считать индикатором актуальных культурных запросов населения, заметно падение интереса как к прошлому (сократилась активность постановок костюмных исторических фильмов), так и к будущему (в фильмах-фантазиях заметно снизился пафос любования техническими достижениями, которые чаще стали олицетворять образ зла).

Зато существенно возрос интерес к настоящему. Это тоже получило яркое отражение в культуре. По существу, вся массовая культура, которая за последние 30–40 лет стала абсолютно доминирующей для всех социальных слоев высокоразвитых и развивающихся обществ, ориентирована на интерес к настоящему, социально актуальному, сиюминутному (Костина, Флиер, 2009). Потребность в переживании настоящего все более завоевывает свое особое место в культуре. В историко-временной ориентированности развитые общества начинают повторять многие характерные проявления эпохи первобытности, что трактуется как признаки архаизации и уже стало предметом внимания исследователей (Штомпель О., Штомпель Л., 2010; Хачатурян, 2009; Аамажаа, 2013).

Таким образом, мы получаем возможность наблюдать определенную последовательность динамики отношения к историческому времени в культурах разной стадии развития:

- первобытная культура сакрализует настоящее, имеет смутные представления о прошлом и совершенно не интересуется будущим;
- аграрная культура сакрализует прошлое, терпит настоящее и представляет будущее только в загробном мире;
- индустриальная культура сакрализует будущее, «ремонтирует» настоящее и презирует прошлое;
- постиндустриальная культура опять интересуется настоящим и в той или иной мере иронизирует над прошлым и будущим.

Усматривается ли какая-нибудь логика в этой последовательности? Если интерпретировать обрисованную картину с позиций трех основных направлений современной

историософии — цивилизационизма, эволюционизма и синергизма, — то возможные интерпретации могут выглядеть следующим образом.

С точки зрения цивилизационизма описанный процесс свидетельствует о том, что первобытный период был доцивилизационным этапом, а формирование цивилизаций происходило на аграрной стадии истории с опорой культуры на самобытные традиции, историческую память, что являлось восходящей фазой развития цивилизаций. Затем в истории Европы начался индустриальный период, который был культурно нисходящим, кризисным и знаменовался очевидным снижением культурной самобытности европейских народов. Наступивший постиндустриальный период, возможно, является этапом окончания этого кризиса, за которым может последовать новый подъем цивилизационной самобытности.

С точки зрения эволюционизма описанная картина свидетельствует о поэтапной смене разных источников противоречий, адаптация к которым была двигателем развития в разные периоды истории. В первобытную эпоху объектом адаптации служили преимущественно природно-климатические условия существования сообществ. В аграрную эпоху доминировали внешние политические условия (война всех против всех), что требовало консолидации сообществ и усиленного идеологического обеспечения этой консолидации средствами религии, традиции, социального опыта и пр. В индустриальную эпоху на первый план вышли внутренние социальные противоречия в сообществах, сословно-классовые конфликты, революции, адаптация к которым требовала преобразований в первую очередь в вопросах социальной справедливости с апелляцией к общим идейным целям. Что станет основным движущим противоречием постиндустриальной эпохи — пока уверенно сказать еще трудно. Можно предположить, что проблемой станет свободная ориентация человека в той среде материальных, интеллектуальных, информационных продуктов, которыми он себя окружил, и потребуются какая-то программа адаптации его к современной культуре. Но в целом картина развития подтверждает обоснованность понимания исторического процесса как последовательного усложнения человеческого общества как социальной системы.

С позиций синергетического понимания истории и культуры (которое разделяю я как ученый; см.: Флиер, 2011) логику развития описанного процесса можно найти, если рассматривать историю человечества не с появления *Homo sapiens*, а с гораздо более раннего события — зарождения биологической жизни на Земле. В конце концов, человек и его культура — это только этап эволюции биоты (см. об этом работы корифеев теорий универсальной истории: Sklair, 1970; Назаретян, 2004; Christian, 2004). В таком случае можно представить стадию развития биологической жизни от ее зарождения до начала антропогенеза как бифуркационный процесс видообразования (т. е. как хаотическое разделение живой материи на виды, подвиды и пр.), а стадию антропогенеза определить как фазовый переход, в ходе которого в одной из ветвей этого видового множества (у приматов) произошла наиболее значимая качественная трансформация нервной системы, появился *разум*. Обе эти стадии можно считать первым циклом развития жизни посредством формирования разных морфологических уровней ее сложности.

Первобытная стадия существования *Homo sapiens* явилась передышкой перед следующим циклом самоорганизации. На этом этапе стало очевидным завершение процесса биологической эволюции (по крайней мере, в этой ветви развития) и проявление новой модальности витальной активности — *культуры*. Культура как форма организации жизни зародилась, конечно, раньше, на стадии антропогенеза, но именно начи-

ная с верхнего палеолита она стала основным регулятором коллективной жизни людей. Начался новый цикл эволюции жизни, который реализовался уже не в биологическом, а в социокультурном развитии человеческого общества посредством совершенствования поведенческих программ и форм их манифестации.

В этом цикле аграрная эпоха представляла собой этап бифуркации — разбегания человеческих сообществ, хаотического разделения человечества на сотни народов, ориентированных на свое прошлое, социальный опыт, традицию. А индустриальная эпоха — это новый фазовый переход (скачок в развитии), начавшийся сначала в одной из многих ветвей, образовавшихся в ходе бифуркации (в Италии, если понимать Ренессанс не только как художественное явление, но и как новый тип сознания и мироощущения). Затем началось распространение трансформированного сознания по Западной Европе и охват ею религиозной (Реформация), философской (Просвещение) и политической (буржуазные революции) сфер. Модерн как культурный феномен явился апогеем развития этой тенденции. В процессе этого фазового перехода появилось и новое качество социального и культурного бытия — личностная *свобода* как проявление доверия общества разуму отдельного индивида (см. об этом: Берлин, 2001; Флиер, 2013; 2014). Именно личностная свобода, как представляется, должна стать универсальным условием для грядущего совершенствования разума, а с ним и всей системы жизни на планете Земля.

Сейчас на начавшейся постиндустриальной стадии опять наступила передышка и опять актуальным становится день сегодняшний, интерес к настоящему (как и на этапе первобытной передышки), без романтических воспоминаний о прошлом и мечтаний о будущем. Дальше по предложенной логике должен начаться новый цикл развития, новая бифуркация и фазовый переход. Но предметом совершенствования, видимо, будет уже не культура, а какое-то иное свойство человека (его иная экзистенциальная модальность), суть которой пока сложно предположить. Представляется, что дальнейшее развитие будет связано с совершенствованием разума человека, его когнитивных возможностей.

Логически, если первый цикл — это развитие морфологии жизни на уровне отдельных организмов, второй — развитие коллективных форм самоорганизации, взаимодействия и коммуникации (культура), то третий цикл должен быть связан с развитием сознания, глубиной и сложностью миропонимания личности. Возможно, что история культуры как наиболее общей формы социальности человека заканчивается; дальнейшее развитие жизни будет связано с другими потенциями *Homo sapiens*. Но это не будет концом культуры. Ведь и появление культуры не привело к элиминации биологических свойств человека. Просто культура потеряет свое нынешнее тотальное социально-регулятивное значение (как в свое время потеряли его животные инстинкты в психике человека) и локализуется в какой-то более частной области жизни, скорее всего в практике символотворчества.

Конечно, нарисованная мной картина — это только намек на научную гипотезу, прогностическую эвристичность которой оценить еще невозможно...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берлин, И. (2001) Две концепции свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. М. : Новое литературное обозрение. 448 с. С. 135–231.
- Дьяконов, И. М. (1994) Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М. : Наука ; Восточная литература. 384 с.

Костина, А. В., Флиер, А. Я. (2009) Три типа культуры — три функциональные стратегии жизнедеятельности // Вестн. Челябинской гос. академии культуры и искусств. Т. 18. № 2. С. 23–36.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Издательский дом «Либроком». 272 с.

Ле Гофф, Ж. (2002) Другое средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета. 328 с.

Ле Гофф, Ж. (2011) Герои и чудеса Средних веков. М. : Текст. 220 [4] с.

Маклюэн, М. (2003) Понимание медиа: внешние расширения человека. М. : Канон-Пресс-Ц ; Кучково поле. 464 с.

Малиновский, Б. (2004) Динамика культурных изменений: Исследование расовых отношений в Африке // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М. : РОССПЭН. 959 с. С. 7–210.

Назаретян, А. П. (2004) Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (Синергетика — психология — прогнозирование). М. : Мир. 368 с.

Пелипенко, А. А. (2007) Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. М. : МГУКИ. 434 с.

Флиер, А. Я. (2011) Вектор культурной эволюции // Обсерватория культуры. № 5. С. 4–16.

Флиер, А. Я. (2013) Культурная среда и ее социальные черты [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 2 (март — апрель). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu/ [архивировано в WebCite] (дата обращения: 12.02.2014).

Флиер, А. Я. (2014) Очерки теории исторической динамики культуры // Флиер А. Я. Избранные работы по теории культуры. М. : Согласие ; Артем. 560 с. С. 17–300.

Хабермас, Ю. (2003) Философский дискурс о модерне. М. : Весь мир. 416 с.

Хачатурян, В. М. (2009) «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М. : Academia. 290 [1] с.

Шильдер, Н. К. (1897) Император Александр Первый. Его жизнь и царствование : в 4 т. СПб. : Изд. А. С. Суворина. Т. 2. 408 с.

Штомпель, О. М., Штомпель, А. А. (2010) Архаизация современной культуры: необходимость или случайность? // Ценности и смыслы. № 4. С. 35–43.

Элиаде, М. (1998) Миф о вечном возвращении: архетипы и повторяемость. СПб. : Алетейя. 249 с.

Bell, D. (1973) The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting. N. Y. : Basic Books. xiii, 507 p.

Brzezinski, Z. K. (1970) Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. N. Y. : Viking Press. xvii, 334 p.

Christian, D. (2004) Maps of Time: An Introduction to Big History. Berkeley : University of California Press. xxii, 642 p.

Fourastie, J. (1974) Prévision, futurologie, prospective: Cours de l'Institut d'Études Politiques de Paris. Paris : Les Cours de droit. 113 p.

McLuhan, M., Fiore, Q. (1968) War and Peace in the Global Village. N. Y. : Bantam Books. 190 p.

Radcliffe-Brown, A. R. (1952) Structure and Function in Primitive Society. Glencoe, IL : The Free Press. vii, 219 p.

Sklair, L. (1970) The Sociology of Progress. L. : Routledge & Kegan Paul. xvi, 272 p.

Spier, F. (2005) How Big History Works: Energy Flows and the Rise and Demise of Complexity // Social Evolution & History. Vol. 4. No. 1. P. 87–135.

Touraine, A. (1969) La Société post-industrielle. Naissance d'une société. Paris : Denoël ; Gontier. 315 p.

Дата поступления: 12.05.2014 г.

UNDERSTANDING HISTORY IN CULTURAL CONTEXT

A. YA. FLIER

(LIKHACHEV RUSSIAN RESEARCH INSTITUTE FOR CULTURAL AND NATURAL HERITAGE)

The article analyzes the specific role of culture in social evolution, which is expressed in perception of historical time.

A vague idea of the past, sacralization of the present, and almost complete absence of ideas of the future were typical for the Primitive stage of social evolution. Sacralization of the past, a tolerant attitude towards the present and an eschatological vision of the future as a post-mortem human condition characterized the Agrarian stage. A complete inversion in the perception of time, as compared with the Agrarian era, took place at the Industrial stage. Then, vice versa, the past was rejected as a failed experience, whereas the present was seen as the stage of social transformation, and the future was regarded as an ideal state of society which should be consciously and meticulously constructed. The rejection of both extremes — denial of the past and enthusiastic expectation of the future — is characteristic for the Post-industrial stage of social evolution. The contemporary perception of time is characterized by an increased focus on the present as the only social reality that is presentative to us.

The article deals with interpretations of such dynamics of perception of time from the standpoint of civilizationism, evolutionism, and synergetic theory. The author supports the synergetic interpretation and hypothesizes that the history of culture in its traditional forms and functions is close to its end. The next step is to transform the whole system of regulating social life from tradition to more rational forms determined by human mind.

Keywords: theory of culture, philosophy of history, historiosophy, understanding of the past, understanding of the present, understanding of the future, meaning of history, meaning of culture, understanding of time, synergetics.

REFERENCES

- Berlin, I. (2001) Dve kontseptsii svobody [Two Concepts of Liberty]. In: Berlin I. *Filosofiiia svobody. Evropa* [Philosophy of Freedom. Europe]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie . 448 p. Pp. 135–231. (In Russ.).
- D'yakov, I. M. (1994) *Puti istorii. Ot drevneishego cheloveka do nashikh dnei* [Paths of History. From Early Man to Present Day]. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaia literatura. 384 p. (In Russ.).
- Kostina, A. V. and Flier A. Ya. (2009) Tri tipa kul'tury — tri funktsional'nye strategii zhiznedeiatel'nosti [Three Types of Culture — Three Functional Strategies of Life Activity]. *Vestnik Chelabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv*, vol. 18, no. 2, pp. 23–36. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obschestva. Tuvinskii fenomen* [The Archaization of Society. The Tuvan Phenomenon]. Moscow, Librokom Publ. House. 272 p. (In Russ.).
- Le Goff, J. (2002) *Drugoe srednevekov'e. Vremia, trud i kul'tura Zapada* [The Other Middle Ages. Time, Work and Culture in the Middle Ages]. Ekaterinburg, Ural University Press. 328 p. (In Russ.).
- Le Goff, J. (2011) *Geroi i chudesa Srednikh vekov* [Heroes and Wonders of the Middle Ages]. Moscow, Tekst Publ. 220 [4] p. (In Russ.).
- McLuhan, M. (2003) *Ponimanie media: vnesbnie rasshireniia cheloveka* [Understanding Media: The Extension of Man]. Moscow, Kanon-Press-Ts Publ ; Kuchkovo pole Publ. 464 p. (In Russ.).
- Malinowski, B. (2004) *Dinamika kul'turnykh izmenenii: Issledovanie rasovykh otnoshenii v Afrike* [The Dynamics of Culture Change: An Inquiry into Race Relations in Africa]. In: Malinowski B. *Izbrannoe: Dinamika kul'tury* [Selected Works. Dynamics of Culture]. Moscow, ROSSPEN Publ. 959 p. Pp. 7–210. (In Russ.).
- Nazaretyan, A. P. (2004) *Tsivilizatsionnye krizisy v kontekste Universalnoy istorii (Sinergetika — psikhologiya — prognozirovanie)* [Civilization Crises in the Context of Universal History (Synergetics — Psychology — Forecasting)]. Moscow, Mir Publ. 368 p. (In Russ.).
- Pelipenko, A. A. (2007) *Dualisticheskaiia revoliutsiia i smyslogenez v istorii* [Dualistic Revolution and Semio genesis in History]. Moscow, Moscow State University of Culture and Arts Press. 434 p. (In Russ.).

Flier, A. Ya. (2011) Vektor kul'turnoi evoliutsii [Vector of Cultural Evolution]. *Observatoriia kul'tury*, no. 5, pp. 4–16. (In Russ.).

Flier, A. Ya. (2013) Kul'turnaia sreda i ee sotsial'nye cherty [Cultural Milieu and Its Social Traits]. *Informatsionnyi gumanitarnyi portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*, no. 2 (March — April) [online] Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu/ [archived in WebCite] (accessed 12.02.2014). (In Russ.).

Flier, A. Ya. (2014) Ocherki teorii istoricheskoi dinamiki kul'tury [Essays on the Theory of the Historical Dynamics of Culture]. In: Flier A. Ya. *Izbrannye raboty po teorii kul'tury* [Selected Works on the Theory of Culture]. Moscow, Soglasie Publ.; Artem Publ. 560 p. Pp. 17–300. (In Russ.).

Habermas, J. (2003) *Filosofskii diskurs o moderne* [The Philosophical Discourse of Modernity]. Moscow, Ves' mir Publ. 416 p. (In Russ.).

Khachaturian, V. M. (2009) «Vtoraia zhizn'» arkhaiski: arkhauizuiushchie tendentsii v tsivilizatsionnom protsesse ["Second Life" of Archaic: Archaic Trends in Civilizational Process]. Moscow, Academia Publ. 290 [1] p. (In Russ.).

Shilder, N. K. (1897) *Imperator Aleksandr I. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Alexander I. His Life and Reign] : in 4 vols. St. Petersburg, A. S. Suvorin Publ. Vol. 2. 408 p. (In Russ.).

Shtompel, O. M. and Shtompel, L. A. (2010) Arkhaizatsiia sovremennoi kul'tury: neobkhodimost' ili sluchainost'? [Archaization in Contemporary Culture: Necessity or Chance?]. *Tsennosti i smysly*, no. 4, pp. 35–43. (In Russ.).

Eliade, M. (1998) *Mif o vechnom vozvrashchenii: arkhetyipy i povtoriaemost'* [The Myth of the Eternal Return: Archetypes and Repetition]. St. Petersburg, Aleteia Publ. 249 p. (In Russ.).

Bell, D. (1973) *The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting*. New York, Basic Books. xiii, 507 p.

Brzezinski, Z. K. (1970) *Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era*. New York, Viking Press. 123 p.

Christian, D. (2004) *Maps of Time: An Introduction to Big History*. Berkeley, University of California Press. xxii, 642 p.

Fourastie, J. (1974) *Prévision, futurologie, prospective: Cours de l'Institut d'Études Politiques de Paris*. Paris, Les Cours de droit. 113 p. (In Fr.).

McLuhan, M. and Fiore, Q. (1968) *War and Peace in the Global Village*. New York, Bantam Books. 190 p.

Radcliffe-Brown, A. R. (1952) *Structure and Function in Primitive Society*. Glencoe, IL, The Free Press. 304 p.

Sklair, L. (1970) *The Sociology of Progress*. London, Routledge & Kegan Paul. xvi, 272 p.

Spier, F. (2005) How Big History Works: Energy Flows and the Rise and Demise of Complexity. *Social Evolution & History*, vol. 4, no. 1, pp. 87–135.

Touraine, A. (1969) *La Société post-industrielle. Naissance d'une société*. Paris, Denoël ; Gonthier. 315 p. (In Fr.).

Submission date: 12.05.2014.

Флиер Андрей Яковлевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Экспериментально-аналитического центра развития образовательных систем в сфере культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Адрес: 129366, Россия, Москва, ул. Космонавтов, д. 2. Тел.: +7 (495) 686-13-19. Эл. адрес: andrey.flier@yandex.ru

Flier Andrei Yakovlevich, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Experimental and Analytical Center for the Development of Educational Systems in Cultural Sphere, D. S. Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage. Postal address: 2 Kosmonavtov St., Moscow, Russian Federation, 129366. Tel.: +7 (495) 686-13-19. E-mail: andrey.flier@yandex.ru